

**Данное издание оцифровано
в Воронежской областной
универсальной научной библиотеке
им. И.С. Никитина**

394018, г. Воронеж, пл. Ленина, 2 / ул. Орджоникидзе, 36

Понедельник– четверг 9.00-20.00

Суббота, воскресенье 12.00-20.00

Пятница -выходной

<http://vrnlib.ru>

<http://vk.com/vounb>

e-mail: vounb@mail.ru

+7 (473) 255-05-91

ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ ВОРОНЕЖСКИМЪ

ЕПАРХІАЛЬНЫМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ.

№ 13.

1-го Іюля

1875 года.

СОДЕРЖАНІЕ.—Слѣво въ день рожденія Благочестивѣйшей Государыни Императрицы Маріи Александровны и тезоименитства Благочестивѣйшихъ Государей, Великихъ Князей Николая Николаевича и Николая Николаевича. — Религіозное и общественное значеніе факта происхожденія рода человеческого отъ одной четы. — Обычай дарить другъ другу красныя яйца на Пасху. — Библиографическая замѣтка: О русскѣмъ языкѣ въ католическѣмъ богослуженіи. — Мортановъ — іезуитъ. — Извѣстія.

С Л О В О

въ день рожденія Благочестивѣйшей Государыни, Императрицы Маріи Александровны и тезоименитства Благочестивѣйшихъ Государей, Великихъ Князей Николая Николаевича и Николая Николаевича.

Рожденія Высочайшихъ Особъ Августѣйшаго Дома возвѣщаются у насъ, какъ знаменія благодати отъ Господа на Русское царство низпосылаемой. И какъ сіи, такъ и другія благознаменія въ царствующемъ Домѣ событія, равно какъ и годовичныя воспоминанія ихъ, сопровождаются совокупною молитвою къ Богу какъ въ домѣ царскомъ, такъ и во всемъ обширномъ Русскомъ царствѣ. Дни святыхъ Воинъ, коихъ имена носятъ члены — и престолующаго Дома, — такъ же суть дни совокупныхъ къ Богу молитвъ и Цари и царства, ино же эти дни являются и въ иже

Такимъ образомъ, въ вѣрованіи, что Богомъ царіе царствуютъ и сильніи ищутъ правду, что въ рудѣ Господней сердце царевы, что Богомъ полагаются предѣлы селенія и царствъ земныхъ и Имъ во время воздвигается мужъ благопотребенъ, что отъ Господа исправляются пути и всякаго человѣка вообще:—въ вѣроу истинно христіанскомъ вѣрованіи и въ соотвѣтственномъ выраженіи сего вѣрованія, Августѣйшіе Монахи наши, не только какъ старшіе сыны церкви Православной, но и какъ первые хранители и защитники ея богопреданнаго ученія и спасительныхъ уставовъ,—примѣромъ собственнымъ предшествуютъ цѣлому Русскому царству. Православно вѣруя, и всеъ благознаменитые для своего Дома и для царства дни ознаменовывая первѣе всего молитвою, они тѣмъ самымъ въ истинной вѣрѣ и въ истинной христіанской дѣятельности указываютъ и высшую свою славу и высшее благо и благоденствіе всей своей обширной державы... Нельзя, слѣдовательно, не слѣдуя сему указанію, уклоняясь т. е. отъ ученія правой вѣры и жизни христіанской быть и искренно и честно вѣроподданнымъ.

Богъ всемъ человѣкамъ хочетъ спастися и въ разумѣ, т. е. въ познаніе истинны пріити, а спасительная истина или вѣра, по слову Апостола, такъ же одна, какъ одинъ Богъ; при всемъ томъ всегда существовали и до сей вѣ существуютъ на землѣ не только различныя исповѣданія христіанскія, но и вѣроученія нехристіанская. Поелику истинная вѣра, какъ несомнѣнно Божественная—имѣетъ сама въ себѣ силу илѣнять разумъ человѣка въ послушаніе ея, и поелику Богъ только зоветъ каждаго къ спасенію а не насильственно влечетъ къ тому: то онъ, какъ премудрый Домовладыка, храня правую вѣру, какъ бы чистую пшеницу на нивѣ міра, не истребляетъ до времени и плевель—вѣроученій неправыхъ; напротивъ во всякомъ языкѣ, какъ увѣряетъ Апостоль, бояся Бога и дѣлая правду пріятенъ ему. (Дѣян. X. 35). Поэтому-то всеъ Богопросвѣщаемые цари и вѣластители никогда не поставили въ укоръ своимъ подданнымъ, если они, или Аводясь привѣромъ отцовъ, или вообще потому, что не настолькоъ еще коснулось сердца ихъ званіе Божіе,—въ своей вѣрѣ не согласовались съ вѣроученіемъ, въ томъ или другомъ царствѣ господствующимъ. Богъ, по слову Апостола, не на лица зреть и во въ какомъ языкѣ есть или можетъ быть бояся Бога и дѣлая правду:—могли ли же эти цари и вѣластители присвоить себѣ права, коихъ отрекся, такъ сазать, самъ Верховный Міроправитель. Слѣдъ а закону, записанному на сердцѣ каждаго человѣка, безъ исключенія—бояся Бога и дѣлая правду, разномыслящіе съ своимъ вѣластками подданные, даже въ язычествѣ, могли въ извѣстной степени быть слугами Бога и тишаго; отъ чего жъ они не могли быть

такими для земныхъ властѣхъ? Такому же мудрому внушенію слова Божія слѣдовали всегда и наши Благочестивѣйшіе Государи, какъ самимъ Богомъ поставляемые и имъ же самимъ просвѣщаемые, и шлыъ по необозримой широтѣ нашего отечества вмѣстѣ съ свѣщеннослуженіемъ и молитвами, совершаемыми въ православныхъ храмахъ, свободно возносятся молитвы на разныхъ языкахъ, въ разныхъ храмахъ и при разныхъ обрядахъ и прочими сынами Россіи — инославными. Но это совѣтъ не значитъ, что всякая вѣра одинаково хороша, что молитвы и жертвоприношенія, какъ мудрствуютъ иные объюродѣвшіе, кѣмъ бы, гдѣ бы и почему бы установленію они ни возносились — имѣютъ единичковое значеніе въ очахъ Божіихъ именно потому, что для всѣхъ нихъ найдется довольно мѣста на жертвенникѣ безконечной любви Божіей. Пѣтъ! напрасно живые мудрецы указываютъ на безконечную любовь Божію, придавая тѣмъ своему ажеученію видъ истины: они не имѣютъ понятія о любви Божій, не знаютъ того, въ чемъ она проявилась и въ чемъ указываетъ ее слово Божіе. А слово Божіе указываетъ ее именно въ томъ, что сынъ Божій, Равночестный отцу, принявъ на Себя всю вину и все неизбѣжное наказаніе рода человѣческаго, умеръ за насъ въ то время, когда мы, надѣленные въ началѣ всѣмъ средствами къ достиженію блаженства, отвергнувъ эти средства поставленіемъ своей воли на мѣсто воли Творческой — и стало быть сдѣлавшись врагами Творцу, — никакъ и ничѣмъ, въ продолженіе тысячелѣтій, не могли поправить своего жадкаго положенія и непременно должны были погибнуть. Вотъ въ чемъ безконечная любовь Божія! Но удовлетворивъ правды Божіей за грѣхи міра, Спаситель тѣмъ самымъ каждому ищущаго спасенія обязалъ къ особой, новой, благодатной дѣятельности. Для этого онъ возвѣстилъ намъ всю волю Божію, для этого учредилъ на землѣ свою церковь съ обязанностию хранить неизмѣнно слово Его, таинствами сообщать достойнымъ дары благодати, вообще учить и руководить вѣрующихъ на пути спасенія. И каждого, идущаго этимъ путемъ, подъ этимъ руководствомъ и освященіемъ, — Онъ милосердо пріемлетъ, прощаетъ, дѣлаетъ блаженнымъ. Гдѣ же тутъ поводъ думать, что всякая молитва и жертва, даже если бы онѣ возносились въ познанія Бога истиннаго и дарованнаго намъ искупленія, — можетъ быть угодна Богу? Пѣтъ, только возвѣщенное Спасителемъ ученіе вѣры — истинно, только имъ учрежденная церковь — церковь истинная, святая, Соборная и Апостольская, только таинства и молитвословія, совершаемая по содержанию ея чину, благъ пріятны Богу и спасительны для людей, только ея уставы и правила обязательны и благотворны для всѣхъ, желающихъ спасенія. За сію то Богопреданную вѣру, за уставы этой-то Богоучрежденной церкви многіе тысячи учениковъ положили

жизнь свою и, положивъ ее, просіяли свѣтлѣ свѣтилъ побеснѣхъ; а въ другихъ борьбахъ религиозныхъ, хотя и много было самоотверженныхъ героевъ, хотя не малъ было и отдѣльныхъ громкихъ дѣяній; но подвижниковъ, достигшихъ славы неувѣда мой, не было, потому что не истины непреложной, не истины, содержимой св. церковію некали люди—не къ свѣту стремились одни и не отъ тьмы бѣжали другіе: тамъ слѣдцовъ вѣи слѣдцы—и тѣ и другіе падали въ яму. Напротивъ, истинная Богопреданная вѣра,—вѣра, неизмѣнно и непреложно хранимая св. церковію, даже среди вражескихъ востаній, вѣра своихъ послѣдователей къ истинному безсмертію, вмѣстѣ съ тѣмъ благотворно дѣйствовала на самыхъ влаговъ. Она представляла невиданные прежіе образцы терпѣнія, чистоты, честности, любви ко всѣмъ; во многихъ она, преждѣ принятія ея, возбуждала не одно удивленіе, но и уваженіе. Съ расстрашеніемъ между людьми она смягчала нравы ихъ, улучшала и облагороживала взаимныя отношенія, служила лучшимъ руководствомъ какъ для правителей, такъ и для подданныхъ. Но что особенно важно: она никогда не становилась въ противорѣчіе съ высшими и наиболее разумными учрежденіями гражданскими, а напротивъ всегда призывала и призываетъ на нихъ благословеніе Божіе, не покровительствовала такъ называемой односторонности, отсталости, исключительности, не вела и не ведетъ къ безконечнымъ толкамъ о примиреніи правилъ Евангелія съ ежедневной дѣятельностію людей, толкамъ, конхъ до нынѣ никакъ не могутъ рѣшить націи высоко образованныя.

Это то непреложное ученіе вѣры неизмѣнно содержатъ наши Благочестивѣйшіе Монархи, уставамъ сей-то Богоучрежденной церкви неуклонно слѣдуютъ они, и какъ въ томъ, такъ и въ другомъ представляютъ собою примѣръ для своихъ подданныхъ. Храпя это ученіе вѣры, повинуваясь св. церкви, они всѣми мѣрами блюдутъ ихъ цѣлость и безопасность уже потому, что вполнѣ убѣждены въ ихъ божественномъ достоинствѣ, и жалею—блюдутъ и охраняютъ православную вѣру и церковь, по и всѣ свои дѣянія по управленію обширѣйшею въ свѣтѣ державою, всѣ законы и повелѣнія не только мудро соглашаютъ съ требованіями вѣры и церкви, но и основываютъ на нихъ. По этому самому не измѣню лишь вѣрѣ и церкви, но и всякій вредъ имъ, даже неуваженіе ихъ или безчестваніе почитаютъ высшею государственною измѣной и рѣшающихся на таковыя дѣла или преслѣдующъ всю силу законовъ, или и совѣмъ не считаютъ своими подданными.

Бр. христіане! имѣю въ обычаѣ много говорить о свободѣ, желать и искать свободы, допускать или усвоить свободу въ пове-

депн, въ правахъ, въ общественныхъ и служебныхъ отношеніяхъ. Замѣчательно, что ищется у насъ все: странная свобода: потребуванію ея многимъ бы хотѣлось, чтобы все дѣла—и частныя, и общественныя, и простыя житейскія и строго религіозныя, дѣлались согласно съ желаніемъ каждаго... Возможно ли это, сообразно ли съ здравымъ разумомъ, было ли бы это полезно для когонибудь—этихъ вопросовъ любители свободы перешагиваютъ,—была бы свобода. Какъ безсмысленно, и какъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, гибельно подобное увлеченіе—не настоитъ надобности объяснять, тѣмъ болѣе, что подъ охраненіемъ небеснаго Промысла, подрывленно блясаго надъ Россією, и при Августѣйше отеческой заботливости объ общемъ нашемъ счастьи Благочестивѣйшаго Монарха нашего столь дикое растеніе не можетъ пустить корней изъ почвы истины русской.

По пока что—а жизнь собственно христіанская, подлежащая, изрѣвлекхранимыя русскими отношенія къ вѣрѣ отцовъ, вѣрѣ замѣтимъ, никакими мудрованіями злонамѣренныхъ умовъ никогда ни въ чемъ недостойномъ неувлеченной, отношенія къ блюстительницѣ этой вѣры—св. церкви, къ ея Богодухновеннымъ учрежденіямъ и уставамъ—эти отношенія, къ великому при скорбию каждаго истинно русскаго, уже колеблются. Колебаніе сихъ отношеній распространяется по цѣлымъ извѣстнымъ классамъ, вторгается подъ тихій кровъ семейной жизни, еще недавно служившей охраною благоустройства и чистоты нравовъ общественныхъ, проникаетъ въ убѣжища воспитанія и образованія юности, и кто не видитъ?—здѣсь и тамъ рождается искра, которая, можетъ быть, и не погаснуть.

Будемъ же, слуш. бл., осторожны въ исканіи свободы, если это слово можетъ пониматься въ такомъ худомъ смыслѣ. Мы живемъ въ благоустроенномъ и притомъ въ православно-христіанскомъ царствѣ, гдѣ все, ведущее ко благу и благоденствію обществу, особенно въ наше багезнаменательное время, обильнымъ потокомъ изливается на царство отъ Верховной власти, еще не замолкли благодарственные гласы недавно призванныхъ къ самостоятели й жизни милліоновъ нашего народа. Будемъ благословлять отечески попечительную власть Монарха какъ за сѣ, такъ и за все равно благодѣтельными предначертаніи ея. Искать же, или домогаться свободы другаго рода—значитъ советамъ непонимать ея. Поразительныя вещи рассказываетъ одинъ изъ Апостоловъ о людяхъ, проповѣдывавшихъ свободу: (II. Петр. II). «они, сговорить онъ, идутъ въ слѣдъ скверныхъ похотей плоти, презирають начальство, дерзки, своевольны; какъ безсловесныя жи-

«вотныя, водимые природою, рожденные на уловленіи и петре-
«блание, злословя то, чего не понимаютъ, въ раскланіи своемъ
«истребятся. Произнося надутое пустословіе, они уловляютъ въ
«плотскія похоти и развратъ другихъ. Общуютъ имъ свободу,
«будучи сами рабы тлѣнія». Въдѣ и св. паша Вѣра, охраняемая
пашими благочестивѣйшими монархами, не чуждается свободы;
только иначе понимаетъ ее: «къ свободѣ вы призваны, братія,
говорить она устами Апостола, только бы свобода ваша не была
поводомъ къ угожденію плоти, но любовію служите другъ другу».

II. II.

РЕЛИГИОЗНОЕ И ОБЩЕСТВЕННОЕ ЗНАЧЕНІЕ ФАКТА ПРОИСХОЖДЕНІЯ РОДА ЧЕЛОВѢЧЕСКАГО ОТЪ ОДНОЙ ЧЕТЫ.

*(Сотворилъ же есть отъ еди-
единой крове весь языкъ человекъ:
Д. Ап. 17, 26).*

Родъ человѣческой произошелъ отъ одной четы, — это фактъ
переданный намъ священнымъ Писаніемъ, — слѣдовательно всякое
сомнѣніе въ дѣйствительности и полной состоятельности его не
имѣетъ никакого смысла. Но всякій историческій фактъ, коль
скоро берется онъ безъотносительно, является однимъ голымъ
выразителемъ какого—либо дѣянія или событія, необозначая
щимъ при этомъ ни своего мѣста а равно и значенія въ ряду дру-
гихъ фактовъ, — слѣдовательно для того, чтобы показать истори-
ческой смыслъ, или совершенную ничтожность какого—либо факта
изъ области исторіи, мы должны взять его относительно, такъ
какъ этимъ самымъ обуславливается возможность указанія зани-
маемаго имъ мѣста и значенія. Происхожденіе рода человѣческаго
отъ одной четы, какъ фактъ, можетъ быть разсматриваемъ по
отношенію къ различнымъ сторонамъ человечества; но не впа-
даясь въ разъясненіе этого факта во всѣхъ возможныхъ областяхъ,
представляемыхъ намъ человѣческою жизнью, мы ограничимся
только двумя: религиозною и общественною, и постараемся, на
сколько возможно познать, уяснить себѣ глубокую историческую
важность означеннаго нами факта. Въ религиозномъ отношеніи
фактъ происхожденія рода человѣческаго отъ одной четы заимѣ-
ваетъ весьма важное мѣсто и по своимъ результатамъ имѣетъ
глубокое значеніе. Не говоря уже о томъ, что этотъ фактъ вообщѣ
ясно подтверждается словомъ Божиимъ (Быт. 2, 5; 2, 20; 3, 20;

5, 1—2; Тов. 8, 6; Прем. 10, 1; Лук. 3, 39; Д. Ап. 17, 26; Римл. 5, 12, 15—19), и следовательно отрицание его сводить прямо къ отрицанию Божественнаго авторитета священныя книги, мы въ то же время замѣчаемъ, что оныя являются такого рода элементомъ въ дѣлѣ міротворенія, совершеннаго Всемогущею Волею, который вноситъ собою полную гармонию въ этотъ актъ Божественной Премудрости. Человѣкъ есть мысль творенія Божія, (*) — эта истина очевидна изъ всего процесса міротворенія Господа. Но приводя къ бытію человѣка, Господь имѣлъ въ виду сотворить не агрегатъ отдѣльныхъ индивидуумовъ или особей, а единое великое человѣческое семейство. Подтвержденіе этой мысли видно изъ словъ самаго Господа произнесенныхъ Имъ предъ сотвореніемъ человѣка: «и рече Богъ: сотворимъ убо человѣка по образу нашему и подобію (Быт. 1, 26.), — не сказано, челоуѣковъ, а челоуѣка, не множественное число поставлено, а единственное. Такого же рода подтвержденіе желанія Господа сотворить единое человѣческое семейство, а не множество отдѣльныхъ особей, мы также можемъ замѣтить, если взглянемъ на міротвореніе съ точки зрѣнія аргюгі. Человѣкъ, какъ мы уже сказали, есть мысль, или иначе, идея творенія Божія. Понятное дѣло, что идея эта существовала въ умѣ Божиѣмъ вполне совершеннѣйшею. Но всякая совершеннѣйшая идея въ своемъ проявленіи вовнѣ можетъ имѣть только единичную форму, — этого требуетъ нашъ разумъ до нѣкоторой степени опытъ. Правда, можетъ быть форма, менѣе выражающая идею, или болѣе приближающаяся къ ней, но етъ менѣе всетаки — одна. Само собою разумѣется, что послѣднее замѣчаніе наше ни комъ образомъ не можетъ быть приложимо къ творенію Божію — челоуѣку, потому что челоуѣкъ есть совершеннѣйшая форма совершеннѣйшей въ то же время идеи, оной вѣчности существовавшей въ умѣ Господа. Следовательно, а при сотвореніи челоуѣка, Господь имѣлъ въ виду сотворить единое челоуѣческое семейство, а отсюда слѣдуетъ то, что, отрицая происхожденіе рода челоуѣческаго отъ одной четы, и допуская — отъ многихъ, мы тѣмъ самымъ вносимъ противорѣчіе сейчасъ высказанному положенію, а это противорѣчіе вводитъ полную дисгармонию въ весь актъ міротворенія. Такимъ образомъ первое и весьма важное значеніе разбираемаго нами факта состоитъ въ томъ, что оныя, приводя все міротвореніе, совершенное Господемъ, въ дѣлѣмъ и вполне гармоничный актъ Всемогущества Божія, указываютъ на то, что челоуѣкъ не есть продуктъ раздѣленія, а единичнаго творенія. (*) И весь міръ и всякая тварь въ отдѣльности — тоже мысль Божія и така же бытію ихъ. Коль в бытію челоуѣка предшествовали идея оныхъ въ Бже. Слѣдовно о челоуѣкѣ что то недосказано... *Ред.*

зываетъ въ то же время на дѣль всего челоѳчества: Т единымъ сердцемъ и едиными устами славити и прославляти Господа, своего создателя. Но обращая вниманіе на искупленіе рода челоѳческаго совершенное Господомъ нашимъ Исусомъ Христомъ, мы необходимо должны замѣтить, что происхожденіе челоѳчества отъ одной четы получаетъ еще большую важность въ религіозномъ отношеніи колы скоро мы сопоставимъ два означенныхъ факта. Вся сила и дѣйствительность искупленія, приносеннаго челоѳчеству Спасителемъ, исключительно обосновывается на единствѣ происхожденія челоѳческаго рода. Постараемся раскрыть эту мысль. Коренная и основная черта въ искупленіи есть его всеобщность, — отсутствіе таковой черты въ немъ придаетъ ему полнѣйшую несостоятельность. Въ самомъ дѣлѣ, что такое искупленіе? На этотъ вопросъ до нѣкоторой степени даетъ намъ отвѣтъ самое названіе факта. Слово: «искупленіе» происходитъ отъ челоѳ: «куня, а отъ ку» выкупъ. На основаніи уже филологическаго разбора названія самаго факта мы можемъ составить о немъ нѣкоторое понятіе; точнѣе же опредѣляя его, мы должны сказать, что искупленіе есть благодатное возрожденіе всего челоѳчества къ новой жизни, совершенное при этомъ Господомъ нашимъ Исусомъ Христомъ. Изъ самаго уже опредѣленія такого явствуетъ, что искупленіе необходимо было для всего челоѳчества, — слѣдовательно оно должно носить на себѣ характеръ всеобщности (что и на самомъ дѣлѣ такъ), потому что, если искупленіе есть благодатное возрожденіе челоѳчества, то отсюда слѣдуетъ, что предъ совершеніемъ этого факта челоѳчество достигло до совершеннѣйшаго упадка въ религіозно-правственномъ отношеніи и не имѣло слѣдовательно ни какихъ основъ въ своей природѣ къ самостоятельному возрожденію. Но если искупленіе носить на себѣ характеръ всеобщности, то какимъ образомъ можно согласить съ нимъ происхожденіе рода челоѳческаго не отъ одной четы, а отъ многихъ паръ? При сопоставленіи двухъ этихъ фактовъ нашему вниманію первѣе всего бросается вопросъ о распространеніи въ челоѳствѣ послѣдствій прародительскаго грѣха. Въ самомъ дѣлѣ допустивши что родъ челоѳческій произошелъ отъ многихъ паръ, мы не имѣемъ никакого основанія предполагать, чтобы всѣ эти пары подверглись грѣхопадению; напротивъ, основываясь на словѣ Божіемъ (Римъ 5, 12, 15—19; Быт. 3 г.), мы съ положительностію можемъ сказать, что «единымъ челоѳкомъ грѣхъ въ міръ вниде, слѣдовательно чрезъ одну чету, но если грѣхъ вошелъ въ міръ чрезъ одну чету, то въ такомъ случаѣ искупленіе необходимо было только для того поколѣнія людей, которое произошло отъ согрѣшившей четы; оставшія же поколѣнія, какъ и неприкосновенныя слѣдствія прародительскаго грѣха, не имѣли нужды

въ пемъ. Такъ образомъ положеніе, что родъ человѣческій произошелъ отъ многихъ паръ, несостоятельно уже потому, что исключаетъ собою основную черту искупленія, — его — всеобщность, и тѣмъ самымъ уничтожаетъ краеугольный камень христіанства. И такъ, фактъ происхожденія рода человѣческаго отъ одной четы имѣетъ глубокое значеніе съ религіозной точки зрѣнія: онъ служитъ основаніемъ христіанства, и отрицаніе его ведетъ прямо къ отрицанію нашего спасенія. Но если взглянемъ наконецъ на этотъ фактъ съ точки зрѣнія общественной, то и здѣсь увидимъ, что происхожденіе человѣческаго рода отъ одной четы имѣетъ довольно важное практическое значеніе. Гуманныя отношенія, замѣчаемыя нами въ средѣ людей, исключительно обосновываются на единствѣ происхожденія всего человѣчества, и отрицать слѣдовательно разбрасываемый нами фактъ, значитъ совершенно уничтожить всѣ основы человѣческой гуманности. Раскроемъ это. Въ нашей душѣ существуетъ чувство родства и близости ко всему роду человѣческому, — это фактъ личнаго самонаблюденія каждаго. Нельзя сказать, чтобы это чувство было неизвѣстно языческому міру. Правда, съ приневіемъ христіанства въ міръ оно приведено было къ живому сознанію, но вѣдь это было только какъ бы припоминаніемъ чего-то такого, что въ сущности было уже извѣстно, но только невысказывалось сознательно, — слѣдовательно чувство это существовало и существуетъ. Спрашивается, откуда же это внутреннее непосредственное сознаніе у людей родства и близости между собою? А между тѣмъ на этомъ — то сознаніи родственной связи и основывается истинная гуманность, не дѣлающая ни какого различія между людьми, но признающая въ каждомъ брата. Само собою понятно, что это непосредственное чувство, живущее во всемъ человѣчествѣ, очевидно прямо вытекаетъ изъ единства происхожденія человѣческаго рода. Но если мы допустимъ, что родъ человѣческій произошелъ не отъ одной четы а отъ многихъ паръ, то чрезъ это самое лишаемся всякой возможности объяснить происхожденіе этого сознанія родственной связи, а не отыскавши его источника, по необходимости должны или считать его призрачнымъ, или же совершенно уничтожить. Такимъ образомъ къ чему же должны мы прійти? — очевидно къ отрицанію всякой гуманности во взаимныхъ отношеніяхъ людей, потому что, если основаніе знанія уничтожено, то существованіе самаго знанія уже не мыслимо. А что это дѣйствительно такъ, въ этомъ убѣждаетъ насъ какъ нельзя болѣе исторія. Исторія представляетъ намъ довольно примѣровъ, которые со всею ясностію подтверждаютъ нашу мысль. Укажемъ на нѣкоторые изъ нихъ. Въ индіи существовалъ особый классъ людей, называвшихся судрами. Эти люди всѣ безъ исключенія находились въ самомъ тяжеломъ рабствѣ, и таковое

положеніе ихъ исключительно обосновывалось на томъ предположеніи, что они произошли совершенно отъ другого корня, чѣмъ сами индѣйцы, — ихъ господа и владыки Римляне точно также смотрѣли на всѣхъ варваровъ, а потому и бѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что такое множество ихъ погибало въ циркѣ. (*) Накоонецъ припомнимъ еще не такъ давно бывшую торговлю рабами въ Америкѣ. На чѣмъ, спрашивается, основывалось это не нормальное явленіе въ жизни человѣчества? — опять исключительно на предположеніи многихъ корней въ происхожденіи человѣчества. Такимъ образомъ и сама исторія ясно говоритъ, что допущеніемъ происхожденія человѣческаго рода отъ многихъ паръ совершенно уничтожаются всякія гуманныя отношенія между людьми.

Въ заключеніе всего сказаннаго нами, теперь не лишне замѣтить, что фактъ происхожденія рода человѣческаго отъ одной четы имѣетъ весьма важное значеніе: онъ касается самыхъ глубокихъ интересовъ столько же гуманности, сколько и религіи.

И. Е.—в.

Обычай дарить другъ другу красныя яйца на Пасху.

Обычай дарить другъ другу красныя яйца, во время пасхи, имѣетъ съ вѣрою христіанскою, какъ и многія другія благочестивыя обыкновенія, перешъ къ намъ въ Россію изъ Греціи; въ Греціи же съ позанаясныхъ временъ существуетъ и до сихъ поръ сохраняется о немъ слѣдующее преданіе.

По вознесеніи Іисуса Христа, Спасителя нашего на небо съ равноапостольною Марією Магдалиною, пришедши для проповѣди евангелія въ Римъ, предстала императору Тиверію Ію, поднесши ему красное яйцо, сказала: *Христосъ воскрес!* и такимъ образомъ начала предъ нимъ свою проповѣдь о воскресеніи Спасителя. Первенствующіе христіане, узнавъ о такомъ простосердечномъ приношеніи равноапостольной жены, начали подражать ему, а при воспоминаніи Воскресенія Христова стали и сами другъ другу дарить красныя яйца. Обычай сей мало по малу распространился и

(*) Сказаній, однакожъ, космогоническихъ относительно происхожденія зерной и белой кости, ни у Римлянъ, ни тѣмъ болѣе у христіанъ, торговавшихъ людьми — мы не знаемъ. *Ред.*

сохранился всеобщимъ въ христіанствѣ. Глубокая нравность сего обыкновенія не подлежитъ сомнѣнію; всѣ христіанскія общества, даже и не православныя, сохраняютъ его единогласно говоря, что оно существуетъ въ церкви христіанской съ самыхъ первыхъ ея временъ и ведетъ свое начало отъ праматра равноапостольной жены.

Въ жизни равноапостольной Магдалины дѣйствительно говорится, что по вознесеніи Иисуса Христа на небо, и она пріѣхала многія страны, благовѣствуя евангеліе, яко же и апостолы святин; пріѣде же и въ Римъ и Тиверію Кесарю предста, и вся аже о Христѣ вѣстятъ ему. Палата же и архіереи въ гавѣ Кесаревѣ явде и пріяна ти по дѣломъ своимъ. О пребываніи ея въ Римѣ упоминается и въ синаксарѣ на недѣлю миропосиць, также и едемъ и въ другихъ христіанскихъ исторіяхъ. Кедринъ *) и Константинъ Монасій **, въ лѣтописахъ своихъ, ясно говоритъ, что Марія Магдалина дѣйствительно была въ Римѣ и что, представши императору Тиверію, обвинила предъ нимъ Палата въ несправедливомъ осужденіи и обвиненіи Иисуса Христа.

Въ древности и у язычниковъ и у іудеевъ было обыкновеніе, являясь къ важному лицу, особенно въ первый разъ, поднести ему что либо въ даръ отъ себя въ знакъ уваженія и любви; примѣръ этого можно, между прочимъ, видѣть въ поступкѣ волхвъ въ, пришедшихъ поклониться рождшемуся Иисусу съ дарами. Люди бѣднѣе обыкновенно приносили, въ подобныхъ случаяхъ, плоды или яйца домашнихъ птицъ. Ничего итъ страннаго въ томъ, что и равноапостольная Магдалина представъ Тиверію съ проповѣдію евангелія, поднесла ему, по обычаю, подобный даръ; такое обыкновеніе людей бѣдныхъ, конечно, извѣстно было и Тиверію. Въ библиотекѣ монаха тыря св. Анастасія, близъ Эсселонники, есть древній рукописный уставъ, писанный на пергаментѣ; въ концѣ сего устава, послѣ молитвъ въ день св. Пасхи, говорится слѣдующее. «Читается также молитва на благословеніе лица и сыра, и игумень цѣлуя братію, раздаеъ имъ яйца и говорить: *Христосъ воскресъ!* Такъ мы пріяли отъ св. отцевъ, которые сохранили сіе обыкновеніе отъ самыхъ временъ апостольскихъ, пбо св. равноапостольная Марія Магдалина первая показала вѣрующимъ примѣръ сего радостнаго дароприношенія».

*) Ист. Кедр. VII 6,

***) Іуль 22.

Такое дароприпошеніе особенно прилично христіанамъ во дни св. Пасхи. Своею простотою и певностию оно показываетъ христіанское простосердечіе, выражаетъ взаимное дружелюбіе христіанъ. Пбо въ настоящіе дни свѣтлаго праздника, мы даримъ другъ другу красныя яйца при взаимныхъ изъясненіяхъ мира и любви христіанскимъ лобзаніемъ, которое сопровождаемъ воспоминаніемъ о воскресеніи Спасителя, *примирившаго* съ Собою и между собою *всячю*кая. При томъ красный цвѣтъ сего дара напоминаетъ кровь Спасителя, проліянную за насъ, а имѣя свѣтлый видъ, служить знакомъ всеобщей радости о побѣдѣ Иисуса Христа надъ смертію, Его воскресеніи изъ мертвыхъ, нашемъ искупленіи и возстаніи въ другомъ мірѣ. Яйцо въ этомъ случаѣ, есть прекрасный символъ нашего возрожденія въ жизнь будущую. Изъ яйца рождается живое существо и вступаетъ въ жизнь птицъ небесныхъ, когда освобождается отъ скорлупы, заключающей въ себѣ его зародышъ: такъ иногда и мы отбросимъ все тѣлесное здѣсь, гдѣ имѣемъ уже зародышъ и начало вѣчнаго бытія. — силою воскресенія Христова возродимся и воскреснемъ для другой жизни, вѣчно радостной для праведныхъ.

(Мин. Епар. Вѣд.)

Библиографическая записка.

De la langue russe dans la culte catholique par le p. I. Martinou de la Compagnie de Jésus (*О Русскомъ языкѣ въ католическомъ богослуженіи*). Lyon. 1874.

Въ государствахъ простыхъ, одноплеменныхъ, какъ скандинавскія, какъ мелкіе республики Швейцаріи, или же въ такихъ, что поглощены гоньбой за матеріальнымъ благосостояніемъ какъ-вы Штаты Сѣверной Америки, вопросъ объ отношеніи церкви къ государству не представляетъ собою ни оласеній, ни затрудненій. Въ государствахъ, усвоившихъ себѣ протестантизмъ, великій союзъ вселенской церкви не стоитъ величавою организаціей рядомъ съ государственнымъ союзомъ. Идея вселенской связи весьма слабо ощущается въ маленькихъ религіозныхъ, самостоятельныхъ общинахъ, безсильныхъ предъ обширною государственною общиною, замѣнившюю собою исторически сложившюся вселенскую церковь. Иное дѣло тамъ, гдѣ реформація не расшатала вѣковаго колосса. Тамъ, гдѣ народъ остался вѣренъ древнему догмату греческаго или римскаго католицизма, церковь выходитъ за предѣлы

государства; государство не может замкнуть въ себѣ всю цѣлую церковь, послѣдняя хранить свою связь и, сильная этою связью, стоитъ рядомъ съ государствомъ, готовая на опасную борьбу съ нимъ, если явится поводъ, опасную тѣмъ болѣе, что средствами государства нельзя поборотъ тѣхъ силъ, которыя церковь почерпаетъ въ совѣсти и чувствахъ своихъ сторонниковъ. Матеріальныя силы государства никогда еще не могли сломить разъ и навсегда сопротивленіе церкви. Оттого эта борьба кажется безконечною; оттого лучшіе политическіе умы наибудобнѣйшимъ рѣшеніемъ задачи признали отрѣшить государственное дѣло отъ церковнаго, по возможности не касаться дѣлъ церкви, не давая и ей повода вмѣшиваться въ дѣла государства, установить свободную церковь въ свободномъ государствѣ. Разчетъ оказался вѣренъ. Протестантская Англія спокойно смотритъ на прогрессъ папизма, столь ненавистнаго ей нѣкогда, классическая страна борьбы папства съ имперіей, Італія безъ особыхъ затрудненій уживается съ папствомъ, когда-то главною препоною къ ея объединенію.

Не вездѣ, однако, можно съ одинаковымъ удобствомъ провести въ жизнь такое раздѣленіе церкви и государства. Въ государствахъ сложныхъ, разноплеменныхъ, гдѣ отдѣльныя племена еще не сплочены единою національною государственною идеею, вошедшею въ плоть и кровь ихъ, гдѣ государственная связь имѣетъ болѣе вишній характеръ, тамъ нѣрѣдко религіозная рознь можетъ сдѣлаться политическимъ явленіемъ, вѣрноповѣдное отлічіе — средствомъ протеста противъ государственнаго единства, однимъ изъ знаменъ оппозиціи. Нецѣлостность политической церкви, церкви какъ средства политическаго протеста, понятна и очевидна только вожакамъ партій; большинство, не разсуждая, идетъ за ними, по государственное значеніе такого явленія, отъ этого не умаляется. Со всякою силой, какъ бы неразумна она ни была, слѣдуетъ считаться, и государство призвано охранять общій порядокъ отъ покушеній нарушить его, независимо отъ того, логично или нѣтъ основаніе незаконнаго движенія. Его обязанность ввести теченіе народной жизни въ законное русло, устранить тѣ аномаліи, которыя препятствуютъ этому. Въ этомъ и задача законодательнаго творчества.

Въ такомъ не нормальномъ союзѣ съ политикой находится и у насъ латинская церковь въ нашихъ западныхъ окраинахъ. Начиная съ соединенія Литвы съ Польшей опоячаніе края шло въ неразрывномъ союзѣ, чему въ особенности помогала и страхъ предъ православною русскою Москвою. Въ блестящую эпоху Ягеллоновъ

польское государство было крѣпко, хотя пять осмыхъ его гражданъ были Русскіе и нѣмцы, хотя латинство было религіей значительнаго меньшинства. При слабыхъ ихъ преемникахъ государство стало искать основъ къ своему дальнѣйшему существованію въ ассимиляціи разнородныхъ элементовъ польщины и призвало къ себѣ на помощь пропаганду римскаго католицизма. Развивавшійся католическій фанатизмъ, несмотря на успѣхи призванной на помощь церкви, велъ государство отъ катастрофы къ катастрофѣ и закончилъ вѣчно памятнымъ историческимъ урокомъ. Самые успѣхи церкви оказались недостаточно прочными: навязанный католицизмъ былъ оставленъ огромными массами народа съ такою легкостью, десятки, сотни тысячъ возвращались къ вѣрѣ отцовъ и дѣдовъ съ такою готовностью, которая отвергаетъ всякую возможность объяснять это явленіе одними административными стимулами.

Но возвращеніе мѣстнаго населенія къ вѣрѣ отцовъ въ западномъ краѣ было неполное: большая часть народа осталась въ римско-католической церкви, и уже этотъ фактъ доказываетъ, что возвращеніе въ лоно православія было также свободно, какъ и сохраненіе римскаго католицизма. Оставшіеся католиками въ силу того, что католицизмъ дошелъ къ нимъ какъ орудіе объединенія ихъ съ польскимъ народомъ продолжаютъ отождествлять себя съ польскимъ народомъ. Католицизмъ и полонизмъ стали у нихъ тождественными, нераздѣльными понятіями, и этого не забывали враги Россіи во имя возстановленія Польши. Явились русская и польская вѣры, причемъ польская вѣра исповѣдывалась русскими людьми. Революціонныя партіи не могли не пользоваться такою удачно сложившеюся путаницей понятій: съ своей стороны государство не можетъ не употребить всѣхъ усилій, чтобъ уничтожить эту путаницу, чтобъ устранить неподобающее достоинству религіи употребленіе церковнаго союза для достиженія незаконныхъ политическихъ цѣлей.

Римскій католицизмъ въ западномъ краѣ дѣйствительно составляетъ самую существенную связь этого края съ Польшей. Католикъ дѣйствительно въ настоящее время на половину полякъ. Съ вѣроученіемъ онъ знакомится на польскомъ языкѣ. Религіозныя сочиненія написаны по польски. Онъ молится въ храмѣ и читаетъ молитвы по-польски, онъ слышитъ польскую проповѣдь и гимнь. Духовенство воспитывается по польскимъ учебникамъ и вноситъ сильную струю полонизма въ каждое римско-католическое семейство. Если довести до мінімумъ влияніе землевладѣльческаго класса, который мечтаетъ о польскихъ идеалахъ, на общественную

жизнь земледельческаго западно-русскаго люда, то одного вліянія латинской церкви въ край достаточно, чтобы придать ему сильную польскую окраску. Съ 1863 г. начинаются заботы мѣстной администраціи о раздѣленіи католицизма отъ полонизма. Если польскій языкъ духовенства дѣлаеть католицизмъ польскимъ, то слѣдуетъ замѣнить его русскимъ языкомъ, чтобы снять съ вѣроученія именующагося вселенскимъ католическимъ несвойственный ему національный узкій характеръ, вредный въ государственномъ отношеніи. Въ 1863 году появляется предположеніе ввести употребленіе русскаго языка въ католическое богослуженіе. Поглощенный замиреніемъ края графъ М. Н. Муравьевъ предоставилъ разработку этой мысли своимъ преемникамъ. Въ правленіе генерала фонъ-Кауфмана этимъ вопросомъ, въ связи съ другими касающимися римско-католическаго духовенства, занималась въ Вильнѣ особая комиссія подъ предѣлательствомъ г. Стороженка, состоявшая изъ гг. Жилинскаго, Пѣмекши, Тунальскаго и Козловскаго. Въ послѣдствіи въ трудахъ комиссіи приняли участіе и другія лица (гг. Безсоновъ, Говорскій, Деревицкій, Кулинь, Рачтъ, Самаринъ и др.). Большинство членовъ комиссіи высказалось за введеніе русскаго языка въ иноувѣрныя богослуженія. Четыре члена комиссіи остались при особомъ мнѣніи. Обсужденію этого вопроса посвящена и брошюра русскаго іезуита Мартынова, заглавіе которой мы привели въ началѣ статьи.

Генералъ фонъ-Кауфманъ согласился съ большинствомъ, и въ 1866 году проектъ комиссіи былъ уже извѣстенъ въ Петербургѣ. Наша періодическая печать не оставила незамѣченнымъ такого важнаго рѣшенія (см. *Русск. Вѣстн.* сент. 1867) и поддерживала необходимость введенія русскаго языка въ католическую западно-русскую церковь. Совершенно неожиданно для всѣхъ появились отдѣльною брошюрой сепаратныя мнѣнія четырехъ членовъ, о которыхъ мы упоминали; заключеніе же комиссіи, весьма сильно мотивированное, оставалось неизвѣстнымъ публикѣ. Только въ декабрь 1869 года виленскій проектъ перешель изъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ на обсужденіе особой комиссіи, составленной изъ высшихъ сановниковъ Имперіи и генералъ-губернаторовъ западно-русскаго края. Говорятъ, что комиссія склонялась въ пользу немедленнаго введенія русскаго языка взамѣнь польскаго. Мѣстные администраторы противъ такой мѣры указывали, что существуетъ указъ императора Николая, воспреещающій употребленіе русскаго языка въ католическомъ богослуженіи, и что, прежде всего, слѣдуетъ снять это запрещеніе и затѣмъ *дозволить* употребленіе русскаго языка въ дополнительномъ богослуженіи. Результатомъ занятій комиссіи былъ циркуляръ 31-го

января 1870 года, сущность котораго заключается въ слѣдующемъ: 1) запретъ употреблять русскую рѣчь въ католическихъ храмахъ отмѣняется; 2) иновѣрцамъ *дозволяется* употреблять русскій языкъ въ своемъ богослуженіи; 3) съ пріишемъ объ этомъ прихожане обязаны обращаться къ своему приходскому священнику, который доводитъ о томъ до свѣдѣнія епархіальнаго начальства, а это послѣднее доноситъ министру внутреннихъ дѣлъ, который и разрѣшаетъ дѣло. Существеннѣйшая черта этого распоряженія — факкультативный характеръ принятой мѣры: римскимъ католикамъ предоставлена свобода пользоваться русскимъ языкомъ или остаться при польскомъ. Намъ Русскимъ, слѣдящимъ постоянно за законодательною дѣятельностью у насъ, такая осторожность, такое постепенное движеніе законодательства, осторожно переходящаго отъ стараго къ новому, — не новость. Намъ удивить могла бы только рѣзкая рѣшительная мѣра, которыми блистаютъ западные диктаторы, и такая общія мѣры у насъ, дѣйствительно, величайшая исключительная рѣкаость, вызываемая развѣ крайнюю необходимостью. Такой образъ дѣйствій понятенъ каждому вообще знакомому съ государственнымъ правомъ и съ сущностью, такъ сказать, съ психологическими свойствами, неограниченной монархіи. На Западѣ большинство публицистовъ не знаетъ исторіи нашего государственнаго права и, схвативъ букву нашего государственнаго закона, понимаетъ его какъ римскую диктатуру, греческую и средневѣковую тираннію, а дознанную осторожность нашихъ внутреннихъ мѣропріятій объясняютъ византійскимъ коварствомъ. Подъ мягкостью законной формы нимъ чуются негласныя инстанціи, которыя существенно измѣняютъ характеръ закона въ приложеніи. (Точно также относится къ этой мѣрѣ и думающій о заднимъ числомъ и иезуитъ Мартыновъ.)

Кромѣ легальныхъ возраженій мѣстной администраціи, на содержаніе циркуляра 31-го января 1870 года, безъ сомнѣнія, остались не безъ влияния аргументы противъ русскаго языка изложенные въ упомянутыхъ сепаратныхъ мѣморахъ. Мы позволимъ себѣ напомнить читателямъ сущность этихъ доводовъ. Введеніе русскаго языка въ католическое богослуженіе, по мѣмору оппонентовъ, не достигаетъ предположенной цѣли и вредитъ интересамъ господствующей церкви. Заменить польскій языкъ можно только латинскимъ; введеніе же русскаго языка только расширитъ средства католической пропаганды. Католицизмъ есть върансповѣданіе иностранное и при замѣнѣ польскаго языка латинскимъ, за католицизмомъ сохраняется иностранный характеръ. Другіе не раздѣляютъ вообще полонизма отъ католицизма, считая ихъ оба вредными, видятъ корень зла во всемъ католицизмѣ, и въ единственномъ

средствомъ подѣльч революцію въ корнѣ признають возвращеніе мѣстнаго населенія въ лоно православія. Затѣмъ, допуская, что иновѣрцы могутъ быть вѣрнопопдааннымъ, иные находятъ однако, что лишь православіе даетъ Русскому русскій духъ. Цѣлью русскихъ дѣятелей въ западномъ краѣ должно быть возвращеніе народа къ православной вѣрѣ. Введеніе русскаго языка въ богослуженіе католическое представляетъ неодолимая трудности въ томъ отношеніи, что потребуется переводъ всѣхъ богослужебныхъ, вѣроучительныхъ и молитвенныхъ книгъ употребляемыхъ католиками, что необходимо будетъ учредить проповѣдь на русскомъ языкѣ; ввести его въ преподаваніе духовной академіи; что переводами этихъ книгъ не согласится заняться ни одинъ православный человекъ и потому ихъ придется поручить иноземнымъ іезуитамъ, въ родѣ Мартынова или Печорина. Къ сказаннымъ аргументамъ, кромѣ того, они прибавляютъ указаніе на трудность богословскихъ переводовъ, на невыработанность языка для передачи римско-католическихъ богословскихъ понятій, на необходимость при переводѣ прибѣгнуть къ церковно-славянскому языку, что не останется безъ ущерба для православной церкви. Во всѣхъ этихъ мнѣніяхъ выдѣляется въ глаза главнымъ образомъ смутность представленій объ отношеніяхъ государства къ церкви. Призванные разъяснить вопросъ политическій: какимъ образомъ охранить русское и литовское племя отъ ополяченія, достопочтенные члены комиссіи занялись вопросомъ объ охраненіи православія и о спасеніи душъ. Мнѣнія ихъ однако неостались безъ вліянія на ходъ дѣла.

Обозрѣвъ скудную римско-католическую литературу на русскомъ языкѣ, г. Мартыновъ излагаетъ свой взглядъ на введеніе русскаго языка въ католическое добавочное богослуженіе и паходитъ, что это и нежелательно и вредно для церкви, къ которой онъ принадлежитъ. Доводы его заключаются въ слѣдующемъ. Съ точки зрѣнія принципа для церкви русскій языкъ также безразличенъ, какъ польскій, нѣмецкій, французскій. Римскій престолъ даже всегда поддерживалъ правило, что вѣроученіе и проповѣдь непременно должны происходить на народномъ языкѣ, по той простой причинѣ, что вѣрующіе должны понимать то, чему ихъ учатъ. Въ иномъ свѣтѣ представляется вопросъ, если принять во вниманіе обстоятельства среди которыхъ онъ возникаетъ и цѣль, для которой желаютъ введенія русскаго языка. Исходя отъ государства, это церковное мѣропріятіе нарушаетъ, по мнѣнію г. Мартынова, права церкви, единственнаго компетентнаго судьи въ такомъ дѣлѣ. Цѣли эта мѣра не достигаетъ, по г. Мартыновъ ограничивается при этомъ указаніемъ на католическую Ирландію, гдѣ богослужебный англійскій языкъ не погасилъ національной ненависти.

Русскій языкъ, вообще, не употребляется въ богослуженіи и не приспособленъ къ ритуалу. При этомъ г. Мартыновъ, конечно, игнорируетъ нашу богословскую литературу и указываетъ только на отсутствіе у насъ русскаго перевода Библии. Напротивъ того, искони вѣковъ, въ этомъ краѣ польскій языкъ употреблялся въ дополнительномъ богослуженіи, народъ освоился съ нимъ и привыкъ къ нему. Духовенство, которому запрещено было до 1870 года употреблять языкъ русскій въ преподаваніи и богослуженіи, незнакомо съ нимъ, и требовать отъ него проповѣди на чуждомъ для него языкѣ значило бы подвергать его величайшей пыткѣ. Эти неудобства усугубляются тѣми послѣдствіями, которыя повлечетъ за собой принятіе русскаго языка. Религія народа, по мнѣнію г. Мартынова, по преимуществу религія обряда. По обряду употреблялся языкъ польскій. Устраняя этотъ обрядъ, правительство наноситъ ударъ самой религіи; она расшатывается, а расшатавъ, нетрудно и совѣмъ замѣнить ее иною. Такіе коварныя замыслы приписываетъ г. Мартыновъ нашему правительству, весьма неудачно и противорѣчиво ссылаясь на судьбу греко-уніатской церкви, гдѣ народная обрядовая религія, по уставамъ церкви, должна быть православною, гдѣ, слѣдовательно, самъ народъ считалъ и чувствовалъ себя православнымъ, а коварство было на сторонѣ римско-католической іерархіи. Здѣсь опять г. Мартыновъ не упускаетъ случая поклеветать на Россію, указывая на насиліе народной совѣсти при воссоединеніи уніатовъ, которое, какъ всѣмъ извѣстно, было дѣйствительно народнымъ движеніемъ, вождями и истолкователями котораго явилось духовенство. Г. Мартыновъ, повторяя эти надобвшія небылицы, едва ли оказываетъ имъ услугу своей церкви: то духовенство, тѣ прелаты, которые были главными дѣятелями воссоединенія, до того времени должны были быть сознательными сынами латинской церкви; ихъ нельзя было сдѣлать изъ массы агентовъ администраціи; они всѣ воспитывались въ доктринахъ католицизма, и дальнѣйшая ихъ судьба не указываетъ, что дѣйствія ихъ были корыстны. Однако уніатское духовенство стало во главѣ движенія и возвратилось въ православіе съ своею настою. Стало быть, они раскрыли народу, что не одинъ обрядъ составляетъ религію, что народъ былъ обманутъ обрядомъ, и такъ какъ обманъ и вѣра рѣшительно несовмѣстимы, то логическимъ послѣдствіемъ было полное, уже не обрядовое возвращеніе къ православію, къ вѣрѣ предковъ. Безъ духовенства немислимо воссоединеніе уніатовъ, а духовенство, хотя и воспитанное въ доктринахъ католицизма, убѣдилось во лжи уніи, въ несостоятельности самой доктрины. Ратуя противъ замѣны польскаго языка русскимъ, г. Мартыновъ неслестно судить о вліяніи католическаго духовенства на народъ и о духовныхъ силахъ духовенства.

Если духовенство не заинтересовано въ политическомъ значеніи польскаго элемента въ западно-русскомъ католичествѣ, оно должно бы разъяснить народу, что для церкви безразлично польскій или русскій языкъ употребляется въ проповѣди, исповѣди и дополнителномъ богослуженіи, что можно быть и католикомъ и русскимъ гражданиномъ и человѣкомъ Г. Мартыновъ давно оставилъ Россію. Онъ покинулъ свое отечество въ то печальное время, когда Русскій долженъ былъ *чувствовать* себя Русскимъ, когда трудно было *уяснить, узнать* это національное чувство, замѣнить его *знаніемъ*. За границей онъ знакомился, какъ и многіе, лишь съ оппозиціонною русскою литературой, отличавшеюся не безпристрастіемъ а горечью перенесенныхъ авторами невзгодъ, или съ мнѣніями о Россіи политическихъ враговъ Россіи. Поэтому незнакомство съ Россіей и неспособность возвыситься до безпристрастнаго созерцанія фактовъ сквозятъ въ каждой строкѣ книги г. Мартынова и не прибавляютъ ничего къ ея практическому значенію.

Но не всѣ римско-католическіе іерархи поражены тою же слѣпотой. Не всѣмъ полонизмъ представляется нераздѣлимымъ отъ католицизма. Повидимому есть здравомыслящая партія въ ихъ средѣ, которая понимаетъ, что интересы самой латинской церкви въ Россіи требуютъ отрѣшенія ея отъ политическихъ мечтаній поляковъ Г. Мартыновъ, искренно или нѣтъ его дѣло, является жаркимъ сторонникомъ свободы совѣсти, и въ ней видитъ залогъ образованія народной, не политической организаціи латинской церкви. Его книга ратующая за полонизмъ католичества имѣетъ цѣлью, повидимому, повліять не столько на западо-русское католичество, не на европейскую читающую публику, *но на папскій престолъ*, сознающій неправильную постановку католицизма въ Россіи. Въ этомъ убѣждаютъ насъ слова самаго автора: «Введеніе русскаго языка въ католическое богослуженіе составляетъ самую любопытную фазу руссификаціи съ точки зрѣнія нашей религіи; но оно усложнено множествомъ разнообразныхъ соображеній, затрудняющихъ его изученіе, отъ котораго однако зависитъ пониманіе и разрѣшеніе задачи, *коимъ, какъ говорятъ, заняты въ настоящее время папскій престолъ.*»

Мы, съ своей стороны, могли бы выразить желаніе, чтобы высшая латинская іерархія отнеслась къ занимающему ее важному вопросу съ большимъ безпристрастіемъ, съ большимъ пониманіемъ своихъ религіозныхъ интересовъ, нежели ея адептъ г. Мартыновъ, погрѣшившій наиболѣе всего непрощаемымъ избыткомъ ревности.

(Лит. Епар. Вид.)

ОТЪ СОВѢТА ВОРОНЕЖСК. ЕПАРХІАЛЬНАГО ЖЕНСКАГО УЧИЛИЩА.

О.о. Депутаты отъ духовенства Епархіи, бывшіе на общемъ сѣздѣ въ прошломъ январѣ мѣсяцѣ по дѣламъ Епархіальнаго Женскаго училища, безъ сомнѣнія помнятъ, что постановляя ходатайствовать предъ Его Высокопреосвященствомъ о распоряженіи относительно удвоенія взноса съ монастырей Епархіи на содержаніе училища, сѣздъ въ тоже время сознавалъ вѣроятность отказа въ помянутомъ распоряженіи, почему большинствомъ голосовъ заявилъ, что въ случаѣ такового отказа со стороны Его Высокопреосвященства, духовенство и безъ новаго сѣзда, обязано вмѣстѣ съ прочими частями взноса на женское училище взнести и эту, падавшую на монастыри часть — именно 2513 р. Отъ о.о. депутатовъ узнало объ этомъ, конечно, и все духовенство. Теперь изъ напечатанной въ № 11-мъ Воронеж. Епарх. Вѣдомостей резолюціи Его Высокопреосвященства на журналѣ январскаго сѣзда послѣдовавшей а еще болѣе изъ помѣщенного въ 12 № тѣхъже вѣдомостей полнаго журнала того сѣзда съ полною резолюціею на ономъ, духовенство видитъ, что въ силу той резолюціи сказаннаго 2513 руб. должны быть внесены духовенствомъ епархіи вмѣстѣ съ другими взносами на училище, утвержденными Его Высокопреосвященствомъ и притомъ немедленно, ибо деньги эти составляють часть суммы необходимой на годичное содержаніе училища. Духovenство, безъ сомнѣнія, пойметъ, что за не взносомъ напр. до конца настоящаго года столь значительной части суммы, имѣющей назначеніе быть расходуемою на обычное текущее содержаніе училища, Совѣтъ онаго вынужденъ будетъ, или сокращать расходы по училищу въ ущербъ опрятности и довольству, или при-

бѣгать къ займамъ и платить проценты, чего разумѣется, никто не поставитъ Совѣту въ заслугу. Посему отнесясь по должному къ Воронежской Духовной Консistoriи о начальственномъ по сему распоряженiи, Совѣтъ и съ своей стороны убѣдительно просить о.о. благочинныхъ при раскладкѣ по новому способу всѣхъ взносовъ на потребности училища на подвѣдомыя имъ церкви — по числу душъ — не упускать изъ виду и суммы, предполагавшейся ко взносу съ монастырей, именно 2513 р.; а духовенство епархіи не воспрекословить такому увеличенію взноса, ибо, по совѣсти говоря, духовенство не своею же собственностію пополняетъ такое увеличеніе. А взносъ настоящій и весь то не великъ: слагая $\frac{1}{2}$ коп. съ приходской души на распространеніе училища; $\frac{3}{4}$ коп. на годичное содержаніе его до открытія въ училищѣ 6-го класса; ($\frac{1}{4} + \frac{1}{2}$) коп. на пополненіе взноса за отмѣною удвоенія онаго съ монастырей, — найдемъ, что всѣ сіи дроби вмѣстѣ даютъ сумму $= 1\frac{2}{3}$ коп. съ каждой приходской души. Сборъ въ дробяхъ немножко темень. Совѣтъ училища, кромѣ указаній со стороны Вор. Дух. Консistoriи, не лишнимъ считаетъ и отъ себя прояснить этотъ сборъ. $1\frac{2}{3}$ коп. съ приходской души — это значить со 100 душъ — 1 р. 66 $\frac{2}{3}$ коп., съ 150 душъ — 2 р. 50 к., съ 300 душъ — 5 р. и т. д. Этотъ взносъ будетъ сдѣланъ духовенствомъ отъ своихъ церквей только однажды — въ 1875 году; въ слѣдующемъ 1876-мъ, онъ уменьшится на $\frac{1}{2}$ коп. съ души, (потому что на распространеніе зданій училища не потребуется уже другаго взноса) но затѣмъ къ 1877-му году, онъ опять увеличится на $\frac{1}{4}$ коп. по случаю открытія VI-го класса и останется до времени изъ $1\frac{5}{8}$ коп. на душу.

ИЗВѢСТІЯ.

Средство отъ бѣшенства. По словамъ Бирж. Вѣд.,

въ послѣднее время медицина съ большимъ усилѣхомъ употребляетъ сокъ корня лобазника (*sparganium ulmaria*) какъ противодіе въ болѣзни, происходящей отъ укушеній бѣшеныхъ животныхъ. Открытіе этого средства принадлежитъ доктору Мальзиневичу. Способъ лѣченія чрезвычайно простъ: мѣста, укушенные бѣшеными животными, обмываются уксуомъ, смѣшаннымъ со сокомъ лобазника, и продолжаютъ это обмываніе до тѣхъ поръ, пока не перестанетъ течь кровь; послѣ того въ этомъ же уксуѣ намачиваютъ корню и прикладываютъ къ пораненному мѣсту. Никакихъ же другихъ аптекарскихъ средствъ къ ранамъ не прикладываютъ. Лѣченіе это испытывалось при постепенно увеличиваемой комнатной температурѣ, дабы по мѣрѣ лѣченія увеличивать испарину больного. Въ этомъ случаѣ давался сокъ, выжатый изъ этого корня, и въ крайнихъ случаяхъ ставилась мушка по направленію позвоночнаго столба, и по снятіи ея къ этому мѣсту прикладывался опять же сокъ лобазника. Корень этотъ также употребляется при леченіи и бѣшеныхъ животныхъ.

Объ уходѣ за малиной. Малину можно собирать два раза въ годѣ, если принять слѣдующія правила ухода за нею; весною и осенью обрѣзывать листья при корняхъ и засыпать обрѣзанные стебли землею, старательно обрѣзывая боковые побѣги и поливая, въ особенности въ сухую погоду. Въ такомъ случаѣ стебли малины быстро разрастаются и на нихъ послѣ перваго сбора малины появляются цвѣты, а затѣмъ и плоды, которые совершенно созрѣваютъ къ осени. При этомъ нельзя упускать изъ виду что малина, посаженная на полуденной сторонѣ, гораздо быстрѣе созрѣваетъ и обильнѣе приноситъ плодъ.

(Соврем. Изв.).

Пожертвованія въ Вор. Епарх. жен. Училище

Остр. у., сл. Владиміровки, отъ свящ. Іосифа Устиновскаго сиротамъ — 3 р. Бобр. у., с. Средняго, Пкорца, отъ свящ. Павла Автономова, на нужды сиротъ — 3 р.

Редакторы: } Прот. В. Никонцовъ
 } Ключарь Прот. І. Адамовъ.

Печатать дозволяется. Цензоры: Прот. Н. Волковъ, и свящ. П. Палицынъ.
Июня 30-го дня 1875 года.

Воронежъ. Въ типографіи Н. Д. Гольдштейнъ.